

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**СОЛЕННЫЙ
ВОЛК**

Владимир Григорьевич Колычев

Соленый волк

Серия «Колычев. Лучшая криминальная драма»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68883501
Соленый волк / Владимир Колычев: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-181543-1*

Аннотация

Подполковник Артем Малахов назначен начальником ОВД в небольшой волжский городок. Дурная слава у этого места: один за другим были убиты трое предшественников Артема. И сам он в первый же день стал свидетелем страшного преступления: из реки был выловлен труп задушенного торговца черной икрой. Возможно, эти злодеяния – дело рук местных авторитетов, имена которых известны правоохранительным органам... Не исключено также, что в деле замешана сестра одного из бандитов, Ева. Случившиеся вскоре новые убийства заставляют Малахова спешить. Он решает познакомиться с роковой красавицей поближе...

Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия –

по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

Суммарный тираж книг этого автора – более 13 миллионов экземпляров.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Владимир Григорьевич Колычев Соленый волк

© Колычев В.Г., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая

Глава 1

Облака за окном тяжелые, пышные, кучевые, будто вата взбитая, выкрашенная в пасмурно-синий цвет. Вроде бы и гроза собирается, молния может сверкнуть, но сквозь расщелины в облаках прорезаются солнечные лучи. Нечто подобное происходило и с генералом Соболевым: брови его хмурились, взгляд становился тяжелым, но надолго его не хватает, вот-вот взгляд просветлеет. Но пока что Соболев смотрел на подчиненного угрюмо, грозно. И кивал, оценивая его внешнее и внутреннее состояние.

А подполковник Малахов, надо сказать, выглядел неважно. Отечное лицо, мешки под глазами, дряблые щеки... Долгий запой давал о себе знать.

Генерал вдохнул, собираясь что-то сказать, но качнул головой. Да уж, разочаровал его подполковник Малахов. Личное поставил выше общественного, потерял интерес к службе, запил. Не ожидал генерал Соболев от него такого, не ожидал. Сам-то он образец для подражания: модельная прическа, новенький, с иголки, мундир – напаренный и отглаженный, шитые золотом звезды на погонах.

Артем кивнул, мысленно соглашаясь. Он ведь не жил по-

следнее время. Стелла погибла, и жизнь остановилась.

Соболев снова втянул в легкие воздух, но и в этот раз ничего не сказал. Он, конечно, все понимал, но служба – это прежде всего дисциплина. А уклонение от службы – это еще и преступление. Словом, подполковник Малахов достоин примерного наказания.

Артем вздохнул. Он осознал и раскаивался, но пощады просить не будет. Если уволят, значит, так тому и быть. И если разжалуют, обижаться не будет.

И снова генерал резко набрал в легкие воздуха.

– Но в то же время с задачей ты, Артем Иванович, справился!

Малахов обнадеженно глянул на него. Если на «ты» и по имени-отчеству, значит, гроза миновала.

– Порядок на новом месте навел... И замену себе подготовил. Майор Груздев неплохо справляется с обязанностями начальника отдела.

Малахов кивнул. Майор Груздев – его надежда и опора. С ним и капитаном Павловым он прошел и огонь, и воду. Их отправили наводить законный порядок в отдел МВД, руководство которого сняли за коррупционные преступления. В такой ад они попали, но ничего, чертей разогнали, а сами чудом выжили. Только вот его любимая женщина стала жертвой этого самого коррупционного произвола, убил ее таки Сажин. На глазах у Артема застрелил. И на него ствол навел. Спасибо двум капитанам – Павлову и Стасову, они остано-

вили преступника в последний момент.

– Я думаю, пусть Груздев и дальше руководит отделом, – выдержав паузу, сказал Соболев.

– Да я не против, – пожал плечами Артем.

Если снимают с должности, значит, и приказ на увольнение готов. Что ж, к этому все и шло.

– А вы, товарищ подполковник, можете возглавить другой отдел, – приосанился Соболев.

Артем вскинул брови: и вопрос во взгляде, и удивление.

– Трудный участок?

– И опасный... – кивнул генерал. И немного подумав, добавил: – Очень опасный.

– Чем хуже, тем лучше.

– Ты в этом уверен?

– Уверен, – тихо, но четко сказал Малахов.

Искать спасения в алкоголе – это все равно что, подобно страусу, прятать голову в песок. Рано или поздно, но по заднице прилетит что-нибудь тяжелое. А трудный, опасный для жизни участок – это борьба с открытым забралом. И шанс выжить и выйти из трудностей с честью.

– За два года погибли три начальника отдела.

Артем кивком признал всю серьезность ситуации, но ничего не сказал.

– Одно самоубийство и два несчастных случая.

– То есть убийца не установлен?

– На месте работала следственно-оперативная бригада из

Москвы... Вы можете ознакомиться с материалами дела.

Артем воздержался от сарказма, хотя и мог сказать, что готов ознакомиться с отсутствием результата.

– Где ознакомиться? В Москве или на месте? – спросил он.

– Где угодно. Если вы дадите свое согласие.

– Кого я могу взять с собой?

– Кого пожелаете... Вопрос только, на какую должность, – замялся генерал.

– Я так понял, есть только одна вакансия.

– Начальника отдела. Пока только отдела... Город крупный, район большой, по своим масштабам на управление тянул, думали на два отдела разбить, а оставили один. Но жизнь идет, город растет, может, и управление будет. Межмуниципальное.

– Но пока что только один отдел.

– Пока один.

– И на должность начальника никто не хочет?

– Желающих нет, – кивнул Соболев.

– Но не трудностей же боятся.

– Не трудностей... – качнул головой генерал. – Опасностей боятся.

– Тогда желающий есть, – усмехнулся Малахов.

Видно, совсем плохи дела там, куда его сватают. Видно, сезон охоты на полицейских начальников там еще не закрыт. Поэтому действующие заместители начальника полиции от-

казываются занимать освободившуюся вакансию. Люди готовы оставаться на вторых ролях, лишь бы не стать жертвой «несчастливого случая». Вот и спрашивается, зачем Артему нужны такие заместители. А это значит, что кому-то придется уйти на пенсию. Были бы люди, а вакансии найдутся.

* * *

Дом невзрачный, грубый серо-бетонный дизайн, простая четырехскатная крыша из мягкого шифера, но двухэтажный, расположенный у самой реки. Во дворе навес из винограда, урожай, правда, уже собран. Начало октября как-никак. Кругом черешни, яблони, вишни, но почему-то пахнет соленой рыбой. Малахов даже глянул по сторонам, не вялятся ли на солнце балыки, но увидел только висящее на веревках белье. Много белья – простыни, наволочки, пододеяльники.

– А я тут все, что было, перестирала, – заметив его интерес, пояснила Люба.

Артем улыбнулся, глянув на нее. Не женщина, а клад. Любила Люба своего законного мужа, спала только с ним, но быт обеспечивала всей команде «варягов», с которой Малахов в свое время начинал освоение Пригорьевска. Еще и преступников успевала ловить, можно сказать, целую банду киллеров подвела под приговор. И Малахову два раза жизнь спасла. Огонь-баба, майор Штанов должен гордиться такой женой, а он только вздыхал. Не хочет он видеть Любу на пе-

реднем крае борьбы с организованной и бесхозной преступностью. Но Люба его и не спрашивает. Да и подполковника Малахова она не очень-то слушается. Никто не отправлял ее в город Волговодск, сама вызвалась. Артем еще только собирался в путь, а она уже и дом нашла, и аренду оформила. Генеральная уборка, большая стирка – это само собой.

– Голову дома не оставляй, – сказал Максим Павлов, обращаясь к Стасову. – У Любы правило, все что нашла, сразу в стирку. Мозги сначала промоет, потом высушит.

Люба остановилась, повернулась к Максу, посмотрела на него, подбоченилась, насмешливо сощурилась. Сладкая она женщина, в смысле сдобная. По возрасту ничуть не старше Павлова, но тот смотрелся мальчиком по сравнению с ней. Кожа у нее гладкая, чистая и нежная, как у девочки, лицо пышет здоровьем, а роскошная грудь – жаром. Пышная она женщина, кровь с молоком. Но женщина. Слишком уж много в ней бабского для девушки. Серьезная дама, высокая, статная, основательная, эталон красивой пышной женщины.

– Когда-нибудь ты забудешь свой язык!

– А язык она выгладит.

– Утюгом!

– А как наша Люба готовит! Пальчики оближешь! – улыбнулся Павлов.

Малахов усмехнулся, глянув на подчиненного. В Приго-рьевске Макс руководил уголовным розыском и мог занять освободившуюся должность заместителя начальника отдела,

но нет, он рискнул своей карьерой и отправился на новое место вместе с Малаховым. Пока что на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска.

Молодой он совсем, капитан Максим Павлов, двадцать семь лет недавно исполнилось. На вид холеный тепличный мальчик, на поверку – молодой волкодав с острыми зубами. Мама в своих мечтах видела его музыкантом или профессором, а Максим после школы поступил в Академию МВД, из романтических, конечно же, побуждений. Служба закалила характер, развила мышление, в общем, из него вышел отличный опер. Внешность у него приятная, даже слащавая, таких ребят порой называют пряниками, но на вкус его лучше не пробовать, зубы можно сломать.

– Балыком пахнет, – втягивая ноздрями воздух, с затаенными нотками восторга в голосе сказал Стасов. – Осетровым.

Малахов сощурился, глядя на него. Стасову двадцать восемь лет, опер он молодой, но бывалый. И далеко не дурак по части думать. Он знал, что нижняя Волга славится осетром, потому и не побоялся уточнить. Но, может, он на самом деле отличал запах одной рыбы от другой? На Волге водятся еще и шуки, и судаки, и лещи, всего и не перечислишь.

Неплохой он парень, Егор Стасов. Черты лица правильные. Спортивного телосложения, кость крепкая, тяжелая, в нем чувствовалась даже не мужская, а мужицкая сила, близкая по своей природе к богатырской. Он служил в Приго-

рьевске под началом подполковника Сажина, который, враждую с Малаховым, в конце концов застрелил его Стеллу. Раньше Артем не доверял Стасову, считал его засланным казачком, а парень из кожи вон лез, чтобы разубедить его в этом. И ведь не подвел, прошел все выпавшие на его долю испытания. Мало того, сам вызвался ехать с Малаховым на новое место службы. Сказал, что теперь ему точно нет смысла играть на чьей-то стороне.

– Осетринка, осетринка! – заулыбалась Люба, поворотом головы показывая вправо, где за штaketным забором, усиленным высоким колючим кустарником, стоял одноэтажный дом из красного кирпича. – Дмитрий Сергеевич по этой части большой мастер! Рыбка у него, м-м!.. Мы взяли пару балычков!

– Пару балычков, пару бочонков пива! – блаженно улыбнулся Макс.

– Пиво с тебя!.. – Люба навела на него два сложенных вместе пальца, как будто пистолет нацелила.

– Ну так я уже! – Макс вопросительно глянул на Малахова.

В Астраханской области тепло, солнечно, да и намаялись они порядком, пока доехали. Всю ночь, считай, за рулем, каждый на своей машине. Сейчас бы пивка да на боковую. Только вот пить Артем не будет. Он ведь слово не столько Соболеву дал, сколько самому себе. Не поймут его подчиненные, если он даст слабинку.

– Свернешь на Дзержинского, там через два квартала магазин, пиво на розлив!.. Хорошее пиво! – Люба вдруг перестала улыбаться. – Наш товарищ майор уже оценил!

– Кстати, а где наш товарищ майор? – спросил Малахов.

Майор Штанов отправился в Волговодск вместе с женой, он при ней, а не она при нем. Люба вышла встречать гостей, а Юрия Дмитриевича не видно, не слышно.

Но стоило только вспомнить о нем, как он появился. При чем при полном параде. Начищенный, наглаженный, полотно фуражки натянуто, как кожа на барабане. Сама фуражка смотрелась, как гребень на голове у бойцовского петуха. Мужчина Штанов упитанный, с брюшком, щечки у него сытые, но в форме он заставлял себя подбирать живот и задира голову. Свежий огурчик на грядке.

– Ух ты! – Люба сама залюбовалась мужем.

Она-то думала, что Штанов все еще отсыпается после пивной вечеринки, похмельный и помятый. Но нет, с появлением начальства Юрий Дмитриевич поднял себя по тревоге. И уже в полной боевой. Пуговицы блестят, бритвенной остроты стрелки на брюках радуют взгляд, еще бы оркестр с фанфарами.

А ведь не так давно тогда еще капитан Штанов охотился на Малахова, пытаясь уличить его в коррупции. Охотился так рьяно и нелепо, что сам Соболев пожелал видеть их вместе – на том самом фронте борьбы с оборотнями в погонах. И надо сказать, Штанов проявил себя, из мокрой кури-

цы превратился в кабинетного орла. Более того, не стал возражать, когда Люба повела его в очередной поход вслед за Малаховым с его «варягами».

– Товарищ подполковник, майор Шта́нов!.. – Юрий Дмитриевич приложил руку к козырьку.

Он очень обижался, когда его фамилию произносили с ударением на второй гласной. Первое время именно так его и называли, но это уже в прошлом. А кто вдруг забудется, он напомнит.

– Что майор Шта́нов? – улыбнулся Малахов.

Он видел, что Юрий Дмитриевич не собирался рапортовать по полной. Обычно Артему хватало одного лишь бодрого начала рапорта, а сейчас ему вдруг захотелось слегка подразнить подчиненного. Но доклад закончила Люба.

– Майор Штанов просыхал после пива, – ухмыльнулась она. – Докладывает, что просох!

– Можно гладить? – улыбнулся Стасов.

– Утюгом. Против шерсти.

– Может, лучше пивка холоденького? – спросил Малахов. – За встречу!

– Пиво хорошее, – кивнул Штанов. – А рыба браконьерская!

– Зато вкусная. И недорого, – хмыкнула Люба.

– А рыба браконьерская! – взглянул на нее Штанов.

– Уговорил! – фыркнула она.

– Будем работать, – без улыбки сказал Малахов.

На самом деле проблема серьезная, даже более чем. Артем работал с документами, изучал досье на своих предшественников, ознакомился с материалами следствия. Полковник Земский застрелился в своей квартире, подполковник Хохлатов умер от отравления алкоголем, у майора Чиркова случилась острая аллергическая реакция, сам он оказать себе помощь не смог, а рядом, как назло, никого не оказалось. Но все это официальные версии, в которые никто не верил. И дознание проводилось, и уголовное дело возбуждалось, и следственная бригада из Москвы приезжала, а только версии о насильственной смерти не подтвердились. Преступники, что называется, сработали чисто, не оставив следов. Это указывало и на профессиональный уровень убийц, и на не менее высокий статус их нанимателя.

Под подозрение попадал некто Борщовников Вячеслав Евгеньевич, криминальный авторитет, в сферу интересов которого входила черная икра. Ему даже предъявили обвинение и какое-то время держали за решеткой под следствием, но в конце концов он оказался на свободе. Не нашлось смельчака, который смог бы удавить этого ублюдка или хотя бы пропустить его через пресс-хату.

– Завтра и начнем, – сказал Малахов. – А сегодня отдыхать... Банька есть?

– Баньки нет! – развела руками Люба.

– Плохо.

– Ванная есть. И вода горячая!.. Все удобства!..

– Сойдет.

– И река под боком. Река, рыбалка!

– Хорошо.

Артем вошел в дом. Действительно, все удобства. Приличная отделка, обстановка. И места всем хватит, даже останется.

На кухне уже пахло борщом, жареным мясом и соленой рыбой. Но Максим с пивом еще не подъехал, Люба же только собиралась накрывать на стол. Артем вышел из дома, через огород спустился к реке. Стасов за ним.

Волговодск стоял, можно сказать, на слиянии двух рек, дом, который сняла Люба, выходил на Недвигу. Река в устье широкая, но тихая, спокойная. И незаболоченная, камыш растет только на берегу, в воде совсем чуть-чуть. Берег не очень высокий, обрывистый. От яра к заплёску вела крутая обрывистая тропа, а над водой стелился дощатый причал с пришвартованной к нему лодкой. Обычный деревянный ялик с уключинами для весел.

– Видать, Дмитрия Сергеевича лодка, – произнес Стасов, кивком указав на дом, у хозяина которого Люба разжилась балычком.

– Не похожа на браконьерскую.

– А кто ж браконьерскую лодку так просто бросит? Там такие байды, до ста в час разгоняются. Попробуй обгони!

– Осетр, белуга, стерлядь, – кивнул Малахов.

Взять бы сейчас удочку, насадить червя на крючок, и

неважно, что там попадется, крупный лещ или мелкий пескарь, лишь бы клевало. Лишь бы ощутить приятную дрожь в удочке, на леске которой бьется добыча. А запрещенный лов рыбы интересует его как начальника отдела полиции, в задачу которого в том числе входит борьба с браконьерством.

– Люди гибнут за икру, – сказал Стасов, вынимая из кармана пачку сигарет.

Малахов как раз смотрел на темный топляк метрах в тридцати от берега. Полузатонувшее бревно медленно плыло по течению реки. Или коряга. По форме чем-то напоминающая человека. Голова, волосы, верхняя часть спины, куртка с воротником.

– Ты думаешь, это человек? – нахмурился Артем.

– Где человек?

– А ведь это не топляк, – покачал головой Малахов. – Это утопленник!

По реке действительно плыл мертвый человек. Из воды выглядывала только верхняя часть тела, голова затылком вверх, плечи. Именно в таком положении всплывают утопленники. Артем очень хотел ошибаться. Не успел появиться, и началось. Может, это предупреждение, что зря приехал? Может, сам Борщевик черную весточку отправил.

– Ну да, похоже на то! – всматриваясь вдаль, закивал Стасов.

– Ну чего стоим? Давай за веслами!

Стасов кивнул, сошел с помоста и, набирая ход, напра-

вился к соседскому дому. Малахов вынул смартфон, открыл карту, сориентировался на местности. Рано еще звонить в полицию, еще не совсем ясно, что плывет по реке, может, на самом деле обычный топляк. Смеху потом будет. Но если труп, нужно объяснить дежурному, как добраться до места.

Стасов не заставил себя долго ждать. Принес весла, полез в лодку, вставил в уключины одно, затем другое.

– У хозяина не спрашивал, – сказал он. – Смотрю, возле калитки лежат. Взял, а чего время терять?

– Время терять нечего, – согласился Малахов.

Течение медленное, но утопленник все же потихоньку плыл вниз по реке, почти незаметно смещаясь к берегу. Так понемногу и уйдет в Волгу, если снова не ляжет на дно. Или к берегу не прибьется.

Лодка старая, но воды на дне почти нет. Или хорошо просмоленная, или лодкой недавно пользовались, вычерпав из нее воду. Лодку отвязали, отшвартовались, Стасов взмахнул веслами.

Увы, Артем не ошибся, по реке действительно плыл покойник. Черные волосы, синяя кожа, жуткие трупные пятна, джинсовая куртка, на шее петля с обрезанной веревкой. В лодку тело загрузили с трудом. Труп тяжелый, разбухший от воды, слизкий, но делать нечего. Взялись за гуж...

– Не знаю, кто это сказал, но, кажется, пираты. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, – с усмешкой сказал Стасов.

- Значит, или не вешали, или не тонул.
- Могли сначала повесить, а потом уже в воду.
- Разберемся.

Малахов набрал номер полиции. Представиться не стал, просто сообщил о трупе с признаками насильственной смерти, объяснил, как проехать к месту. На просьбу дежурного представиться назвал первую же пришедшую на ум фамилию.

Они уже причаливали, когда появился красномордый мужчина с воспаленными глазами. Видавший виды охотничий костюм с накладными карманами, резиновые сапоги, а в руках двуствольное ружье, направленное на Малахова.

– Я вам покажу, как лодки угонять! – Он угрожающе взвел курки.

Но Малахов даже бровью не повел. Он не бравировал, смерть его на самом деле не пугала. А если пугала, то не настолько, чтобы умолять о пощаде.

– Идиот, мы из полиции! Утопленник у нас! – отпустив одно весло, Стасов покрутил пальцем у виска.

– Опусти ружье, Дима! – сказал Малахов, вспомнив, как Люба величала рыбного соседа.

– Ну, Дима... А вы кто такие?

– Соседи. Люба рыбу вчера у вас покупала.

– А-а, Люба!

Мужчина опустил ружье, помог пришвартоваться. Но труп из воды вытаскивали без него. А тело тяжеленное, уди-

вительно, как оно могло держаться на воде. Вдвоем еле управились, и то потому, что на дефицит физической силы никто не жаловался.

– Кто это? – с ужасом спросил Дмитрий Сергеевич.

Лицо покойника разбухло от долгого пребывания в воде, посинело, потемнело, изъеденная гнилью и водными тварями кожа сморщилась, размякла. И руки представляли собой жуткое зрелище. От воды кожа на ладони вместе с ногтями отделилась от кости, образовав самую настоящую перчатку. Обычно в таких случаях ее называли перчаткой смерти. И перчатку эту нужно срезать с руки, чтобы затем в лаборатории натянуть на кисть манекена, тогда уже можно будет провести дактилоскопию. И то не факт, что получится.

– А куртка у него охотничья, – выразительно глянув на Диму, сказал Стасов. – Камнями набили.

Артем кивнул. Куртка длинная, с резинкой по нижнему срезу. Резинку затянули, под куртку набили камней, застегнули и бросили в воду. А шнурок почему-то развязался, камни высыпались, и труп всплыл. Несколько камней так и остались под курткой.

Возможно, для подстраховки к веревке привязали большой камень. Но тогда кто мог обрезать веревку? И зачем?... Может, кто-то нарочно вернулся к трупу, освободил его от камней и пустил в плаванье? В расчете на то, что тело выловят. Но зачем? И кому это нужно? Вода в реке сейчас далеко не самая теплая. Да и само по себе нырять за трупом сомни-

тельное удовольствие.

– Да нет, спортивная куртка, – качнул головой мужчина. – Цвета хаки.

– Ну, может, и спортивная, – ощупывая карманы, пожал плечами Стасов и качнул головой, обращаясь к Малахову. Нет ничего, пусто.

Малахов же вопросительно глянул на мужчину. И тот правильно понял его.

– Новая куртка, Никита ее недавно купил, в августе.

– Никита?

– Драбов Никита! – уточнил мужчина.

– Вы его знаете? – оживился Малахов.

– Ну да. Он тут недалеко живет.

– А вы Дмитрий Сергеевич... Как фамилия?

– Волчков. Фамилия Волчков!

– Подполковник полиции Малахов.

– А-а, да, да... У Любы муж, я видел, фуражка у него.

– Фуражка... – кивнул Стасов, глядя на Макса, который спускался к ним с обрывистого яра. – С кокардой.

– А Вика все в Москву звонит. – Волчков озадаченно поскреб затылок.

– Вика? В Москву?

– В Москву? – Волчков будто спохватился, резко опустил руку, как будто его застали за привычным, но неприличным занятием.

– Кто такая Вика?

– Вика?... Ну, жена Драбова.

– Драбов должен был уехать в Москву?

– Ну, я не знаю. Знаю, что Вика извелась, ищет его.

Макс присвистнул, увидев труп, но ничего не сказал. Переглянулся со Стасовым, посмотрел на Малахова, который вел опрос.

– В полицию обращалась?

– Не знаю. – Глазки у Волчкова забегали.

– Почему?

– Почему не знаю?

– Почему не обращалась?

– Не знаю, может, и обращалась.

– А может, у вас не принято в полицию обращаться? – спросил Малахов.

– Почему не принято?

– Я так понимаю, вы, Дмитрий Сергеевич, рыбой занимаетесь?

– Ну, как занимаюсь, рыбачу иногда.

– Вы не в курсе, что вылов осетровых запрещен? – нахмурив брови, сурово спросил Малахов.

– А-а, так я в частном хозяйстве!.. Друг мой осетров на вылов разводит!..

– Кто, где, когда?

– Если честно, рыба после браконьеров осталась, – заелозил Волчков. – Иду, смотрю, плывут. Все вспоротые!.. Без икры, но еще совсем свежие! А чего добру пропадать?...

– Не убедили.

– А вы точно из полиции?

Малахов кивнул, достал из кармана удостоверение, раскрыл, показал.

– Подполковник... А Пригорьевск это где?

– Из полиции мы. А по совместительству ваши соседи, – сказал Артем, не ответив на вопрос. – И на рыбку вашу закроем глаза. По-соседски. Но только на рыбку. И то, если обещаете больше не браконьерствовать.

– Да нет, я не браконьер!.. Ну, может, иногда, чуть-чуть...

– А Драбов?

– И Драбов по мелочи.

– Вы, наверное, не поняли, Дмитрий Сергеевич. Драбов убит. Его биографию будут проверять вдоль и поперек. Вся правда вскроется. И это может поставить вас в крайне неловкое положение.

– Так я вроде как не обязан давать против него показания.

– Так и мы не обязаны относиться к вам с пониманием.

Тем более что вы можете быть причастны к убийству.

– Я причастен?! – опешил Волчков.

– Ну, вы же знаете Драбова.

– Так я много кого знаю!

– Вы знали, что Драбов собирается в Москву?

– Да нет, конечно!.. Просто Вика метаться начала, в Москву звонить.

– Откуда вы знали, что Вика метаться начала?

– Подруга ее говорила.

– Но то, что Драбов мог быть в Москве, вас не удивило.

– Ну-у... – замялся Волчков.

– Дмитрий Сергеевич, вопрос очень серьезный.

– Вопрос-то серьезный... А почему вы из Пригорьевска?

– Потому что там находится центр по расследованию преступлений государственного масштаба, – не моргнув глазом, придумал Малахов.

– А это что, преступление государственного масштаба? – Волчков кивком указал на труп.

– А вы не в курсе, сколько начальников полиции тут у вас сменилось за последние два года?

– А, ну да.

– Что ну да?

– Так в том-то и дело. Опасно тут у нас. Я скажу, а меня потом тоже... сменят... Чем-нибудь тяжелым по голове.

– Если скажете прямо сейчас, никто ничего не узнает. А вот если вас вызовут повесткой в полицию для дачи показаний... – Малахов нарочно потянул паузу, нагоняя на Волчкова тоску.

– А так без повестки поговорим?

– Никто ничего не узнает, – спокойно, с уверенностью знающего человека сказал Малахов.

– Ну, в принципе вы все равно узнаете.

– Говорите, Дмитрий Сергеевич, время идет. Сейчас полиция подъедет, к вам обязательно возникнут вопросы. Если

вы останетесь здесь.

– Драбов икрой занимался.

– Это я понял.

– И в Москву он шайбочки возил.

– С черной икрой?

– Да.

– Много икры?

– Точно сказать не могу... Но то, что он в этой теме глубоко, знаю точно.

– Насколько глубоко?

– Ну-у... Там у него конфликт, говорят, был.

– С кем был?

– С криминалом...

– Кто говорит?

– Кто говорит? – покривился Волчков.

– Да, кто говорит?

– Люди говорят. – Волчков и кривился, и притаптывал.

– С кем конкретно конфликт? – Малахов смотрел ему прямо в глаза, как будто вводил его в гипнотическое состояние.

– Ну-у... – замялся мужчина.

– С Борщевиком?

– Ну, как бы вам сказать... Да, с ним!.. Но это все, что я знаю! Больше ничего сказать не могу.

– Вы пока свободны, Дмитрий Сергеевич.

– Пока?... А-а, ну да, мы же соседи... Если там рыбка нужна... И икра есть, совсем чуть-чуть.

– Дмитрий Сергеевич!

– Понял!

Волчков кивнул, развернулся и со всех ног рванул к дому.

– Это что, боевое крещение? – спросил Павлов, кивком указав на покойника.

– С корабля на бал, – усмехнулся Стасов.

– Привет от Борщевика, – глянул на него Малахов.

– Недельной так примерно давности. – Макс поморщился, давая понять, что труп дурно пахнет.

Малахов кивнул. Сама ситуация дурно пахла, но разве кого-то это пугает? И Макс держится бодро, и Егор, отчаянные парни, на них вся надежда.

Глава 2

У одного сержанта куртка летняя, у другого демисезонная, а начальник патруля и вовсе в полицейском камуфляже. И головные уборы у всех разные: у «летнего» сержанта пилотка, у «демисезонного» – фуражка, офицер – в камуфляжной кепке. Для майора Штанова такой разнобой как напильником по зубам, а он где-то рядом, в любой момент может появиться. И при полном параде, разумеется. Малахов усмехнулся, представляя Штанова в гневе.

– Значит, утонул, говорите? – сказал капитан с высокомерным видом, разглядывая труп.

Даже не склонился над телом. Малахов все ждал, когда он пнет покойника носком своего «берца». Волосы у капитана длинные, нечесанные, а поверх этой гривы кепка. Возможно, Штанов предложит этому несчастному пистолет. Чтобы он застрелился.

– Я говорил? – удивился Малахов. – Я звонил, сказал, что труп с явными признаками насильственной смерти.

– Или ты думаешь, что это у него галстук? – Павлов наклонился и тронул веревку на шее покойника.

– Или колокольчик. Для донки. – И Стасов глянул на лохматого капитана также неприязненно.

– Шутники?

– Это убийство, капитан, – сказал Малахов.

– А веревка? Я думаю, это суицид.

– Убийство.

– Так, может, вы и убили? – хищно сощурился капитан и провел пальцами по своей кобуре.

– Может, я и убил... – Малахов пристально смотрел на него.

– Та-ак! – Капитан все-таки вытащил пистолет.

И его подчиненные пришли в движение. Один направил пистолет на Стасова, другой на Павлова. Малахов качал головой, наблюдая за этой сценой.

– Чтобы проверить действие оперативных служб город.

– Документы давай, проверяльщик!

– Может, не надо? – качая головой, спросил Павлов.

– Молчать! – зыркнул на него капитан.

Малахов спокойно вынул удостоверение с вложенным в него предписанием.

– Сюда! – протянув руку, потребовал капитан.

– Это удостоверение сотрудника полиции, – сказал Артем, давая понять, что из рук свои «корочки» не выпустит.

– Полиции? – озадаченно спросил капитан.

– Подполковник Малахов. Назначен начальником отдела МВД Волгодонского района.

– Начальником отдела?! – Старший наряда опустил пистолет.

А Малахов раскрыл и корочки, и предписание. Капитан бегло просмотрел документ, вытянулся в струнку. И его под-

чиненные попрятали оружие.

– Ох, попали вы, ребята! – сказал Павлов, глядя на спускающегося к ним Штанова.

Малахов усмехнулся. Юрий Дмитриевич не обманул его ожиданий, он шел к пристани, одетый в мундир.

– Снимайте пилотки, кепки, фуражки, – с усмешкой посоветовал Стасов.

– И мушки с пистолетов спиливайте, – ухмыльнулся Павлов.

– Звоните оперативному, капитан! – строго сказал Малахов. – Труп с явными признаками насильственной смерти, следственно-оперативную бригаду на выезд!

– Оперативники уже здесь, – вздохнул Павлов. И, глянув в сторону дома, добавил: – А пиво там!

– Что у вас тут такое? – с важными видом спросил Штанов.

На труп он глянул как на само собой разумеющееся явление, а вот внешний вид патрульных явно его рассердил.

– Первые кандидаты, Юрий Дмитриевич, – сказал Малахов. – На доску позора.

– А-а! – Штанов смерил взглядом патрульных.

Капитан растерянно захлопал глазами.

– Что за внешний вид? Фуражка, кепка... Пилотка?! Откуда у вас пилотка, товарищ сержант?

– Пилотка под каску, – усмехнулся Малахов. – Каски, противогазы, марш-бросок.

– Да! Да! Да!!! – возбудился Штанов.

– Но завтра... Товарищ капитан, звоните дежурному!

– А-а, да!

– А вы, Юрий Дмитриевич, займетесь рыбой, – сказал Ма-
лахов.

– Какой еще рыбой? – опешил Штанов.

– Соседской.

Артем велел взять под наблюдение Волчкова, а также от-
правил Павлова и Стасова к жене покойного. Сам же остал-
ся ждать появления следственно-оперативной группы. Чутье
подсказывало, что ждать придется долго.

* * *

Твердая почва под ногами дает ощущение стабильности, а это первый признак надвигающейся деградации. Рассла-
бишься, успокоишься, потеряешь нюх, а вместе с тем сме-
калку и сноровку. Все это Максим понимал, но так хотелось
вернуться к твердой почве под ногами. А нет, приходится ба-
рахтаться в подвешенном состоянии. Ни должности у него,
ни оружия, ни даже полномочий, о кабинете и говорить не
приходится. Одно успокаивает, Стасов не в лучшем положе-
нии. Егор не унывает, и у него хвост пистолетом. Это вместо
оружия.

– Гражданка Драбова? – спросил Стасов, глядя на дород-
ную женщину в красном фланелевом халате и с полотенцем

на плече.

Видимо, ее оторвали от дела, она отложила в сторону тарелку, которую протирала. А полотенце с плеча не сняла, так с ним и вышла к незванным гостям. Сейчас она нервно теребила кончик этого полотенца. Не понравился ей тон, которым обратился к ней Стасов.

А может, она уже знала о смерти мужа. Волчков божилась, что никому не звонил, не говорил, но веры ему мало.

– Да, Драбова.

– А мы из полиции, – сказал Стасов.

Максим кивнул, подтверждая. Не обманул Волчков, Драбовы действительно жили неподалеку, в конце той же улицы Колхозной, где Люба сняла дом.

– Из полиции?... Случилось что? – Женщина взялась за кончик полотенца двумя руками.

Дворняга, посаженная на цепь, гавкнула у нее за спиной и замолкла, прислушиваясь к разговору.

– Случилось. Муж у вас пропал?

– Пропал.

– А в полицию вы обращались?

– Нет, не обращалась.

– Три дня еще не прошло?

– Что, три дня не прошло?

– Как муж пропал.

– Э-э, да нет, раньше пропал...

– Когда он в Москву уехал?

– В Москву?... Ну да, в Москву... А вы откуда знаете? – Женщина сняла полотенце с плеча.

– Да вся улица знает, что вы в Москву звонили, мужа искали. А куда, кстати, звонили?

– А вы точно из полиции?

– Нет, от Борщевика, – усмехнулся Максим.

– От Борщевика? – шарахнулась от него Драбова.

– Из полиции, конечно!.. – Стасов достал из кармана «корочки», раскрыл, показал.

– А почему от Борщевика сказали? – Женщина хмуроглянула на Максима.

– А почему вы испугались? – Стасов не сводил с нее глаз.

– Ну, вы же сказали, что от Борщевика!

– А он такой страшный?

– Страшный...

– Ваш муж его боялся?

– Может быть. – Драбова скомкала полотенце, ее руки не знали покоя.

– А в Москве не боится?... Или Борщевик и там его может достать?

– Не знаю.

– А зачем его доставать?

– Не знаю. Вы спросили, я ответила.

– Может, у вашего мужа трения какие-то с Борщевиком? Может, он икрой не хотел с ним делиться?

– Икрой?! – разволновалась женщина.

– Да, черной икрой, которую ваш Никита в Москву возил на продажу. Браконьерская такая икорка, в баночках. – Максим смотрел на дом.

То ли новый, то ли старый кирпичом обшили, скорее второе. Кирпич элитный, крыша новая, дом смотрится если не богато, то близко к тому. Драбова проследила за его взглядом, расправила плечи, выставила грудь.

– Не знаю ничего! – заявила она и полотенце на кулак намотала, как будто собиралась кого-то ударить. Поняла вдруг, что сотрудников интересует не столько факт исчезновения мужа, сколько его незаконная деятельность. Значит, жив Никита, а уголовной вины за ним нет. Хороший дом – это не улика.

Боевой настрой хозяйки подействовал на собаку, она зашла в истерическом лае.

– Да это уже не имеет значения, – вздохнул Стасов.

– Что не имеет значения?

Собака вдруг замолкла – в предчувствии страшной новости.

– Не можем мы вашего мужа привлечь... Да вы присядьте! – Максим указал взглядом на скамейку за ее спиной.

– Зачем присесть? – Ноги у женщины подкосились сами по себе.

– Может, ничего страшного и не произошло. Может, это и не ваш муж.

– Где не мой муж? – Драбова подалась назад, рукой нашу-

пывая скамейку.

Скомканное полотенце вывалилось из ее рук.

– Может, это не ваш муж утонул.

– Утонул?! – ахнула женщина, сдавая назад.

– Может, это вовсе не он. – Максим вошел во двор вслед за ней.

Собака на него даже не гавкнула.

– Нет, конечно!.. Никита очень хорошо плавает...

– Вот и я говорю, что ничего страшного.

– А откуда вы знаете, что Никита... что кто-то утонул? – Драбова обессилено опустилась на скамейку.

– Да пока только предположения. Возможно, мы ошибаемся. Вот когда ваш Никита уехал в Москву? Какого числа?

– Двадцать четвертого... Нет, двадцать пятого сентября.

Рано утром.

– Как поехал? – Максим повел рукой в сторону объездной дороги, на которую выходила Колхозная улица. – Через мост?

– Через мост, а как же еще?

– По прямой, на объездную, там сразу мост?

– Сразу мост.

– Один поехал или с кем-то?

– Один. Он всегда один ездил... Ездит, что я такое говорю?

– Рано утром, говорите, уехал? В котором часу?

– А как на рыбалку ездит, в два часа подъем, в три выезд.

– Кто знал, что ваш муж будет выезжать в три часа? – спросил Максим.

Драбова перехватили где-то неподалеку от дома. Перехватили, задушили, труп сбросили в реку. И тот, кто это сделал, мог знать, в какое время он будет выезжать из дома.

– Никто знал. Хотя Людка знала.

– Кто такая Людка?

– Подруга моя... А зачем вам Людка? – встрепенулась Драбова. – Вы про Никиту узнавайте, он это или не он?

– Да, да... Какая машина была у вашего мужа?

– «Форд Мондео»... А вы не знаете? – с надеждой спросила женщина.

– В полицию вы не обращались, об угоне не заявляли? – спросил Павлов.

Возможно, машину обнаружила полиция. Может, стоит сейчас где-то на штрафстоянке.

– Да нет.

– А номер, техпаспорт?

Максима интересовал и регистрационный номер, и VIN-код автомобиля. Если машину нашли, пробить ее по базам проще простого. В смартфоне у него и приложение, и специальный допуск.

– Ну, номер скажу... А техпаспорт?... Могу принести! – Драбова поднялась, но тут же опустилась.

– Ничего, в следующий раз. – Максим успокаивающе провел рукой по ее плечу.

– И все-таки кто такая Людмила? – спросил Стасов. – Как ее найти?

– Так я же говорю, подруга моя. Людмила. Василиничева. Как ее найти... Вообще-то, она сама всегда, когда надо, находит, – невесело, но все-таки с иронией сказала Драбова. – А так она тут рядом, на Ворошилова живет, пятьдесят шестой дом.

Стасов выразительно глянул на Максима, и тот молча с ним согласился. Идти нужно к этой Людке, говорить с ней, прощупывать ее на вшивость. Но и Драбову оставлять нельзя. Придется разделиться.

Максим уже собирался уходить, когда в проеме открытой калитки появилась знойная женщина лет сорока, в легком плащике поверх длинного платья. Все в ней пышное: и прическа, и формы, и грудь. А голос обволакивающий. Она смотрела на Драбову, но видела и Максима, и Стасова, и весь дом целиком. Казалось, у женщины явно было много горячих новостей.

– Вика! – выдохнула она, спиной прислоняясь к опорному столбу.

Всем своим видом она показывала, как ей больно, горько и страшно. Она смотрела на хозяйку дома, видела Максима и Егора, при этом еще любовалась и самой собой. А вдруг ей к лицу трагизм!

– Это и есть Людмила, – с ужасом глядя на женщину, пробормотала Драбова.

– Которая сама всех находит? – спросил Максим, с подозрением глядя на пышную даму.

А ведь он знал, какую новость держит в клюве эта сорока. Тот же Волчков мог разболтать о трупе, выловленном из реки. Да и просто зеваки могли подтянуться к его причалу, разглядеть и узнать покойника, растрезвонить. Людка подхватила и понесла.

– Кого я нахожу? – недовольно спросила женщина.

Но при этом с интересом окинула Максима. А взгляд цепкий, ищущий. Взгляд одинокой женщины, ищущий мужчину.

– Вы хотели что-то сказать? – Стасов медленно приблизился к Людмиле.

– Да я-то хотела...

– Что-то не очень хорошее? – Стасов взялся рукой за тот же опорный столб, к которому она прижималась спиной.

– Не очень... А вы кто?

– Капитан полиции Стасов. – Егор навис над женщиной. Он улыбался и смотрел на женщину так, будто пытался заглянуть в ее душу.

– Я так почему-то и подумала! – кивнула Василиничева, замороженно глядя на него.

– Вы хотели что-то сказать, – напомнил Стасов, взглядом указав на хозяйку дома.

– Так вы, наверное, уже сказали?

– Что сказали? – хныкающим от сильного волнения голо-

сом спросила Драбова.

– Так это, Никита там твой! На пристани! У Волчкова.

– Живой?

– Ну, Волчков-то живой... – сокрушенно вздохнула Людмила и, оправив локон-пружинку мелко завитых волос, приклеилась взглядом к Стасову.

– А Драбов? – спросил Егор.

– А Драбов... Ну, я сама-то к покойнику не подходила...

– Какой покойник!.. Где на пристани? – побелев как мел, Драбова поднялась со скамейки.

Женщину качнуло, Максим подал ей руку, она оперлась на нее, но тут же снова опустилась на скамейку.

– Я сейчас... – пробормотала она, руками закрывая лицо.

– Горе-то какое! – проговорила Людмила.

– Беда, – тихо сказал Стасов.

– И не говорите!

– Бандиты зверствуют.

– Бандиты? – Василиничева не очень убедительно изобразила удивление.

– А кто ж еще? Поехал человек в Москву, даже отъехать от дома не успел, а его раз, и все.

Стасов совсем близко приблизил голову к женщине, Максиму пришлось подойти поближе, чтобы слышать разговор. С одной стороны, Егор вынужден был говорить тихо, чтобы не привлекать внимание Драбовой. А с другой – он своим взглядом и знойным дыханием подавлял волю Василиниче-

вой к сопротивлению. Если таковая имелась.

– Это ужасно!

– Только бандиты и могли напасть.

– Ограбили, убили.

Максим цепко глянул на женщину. Никто не говорил ей, что Драбова ограбили. И так захотелось задать ей сопутствующий вопрос, но Стасов качнул головой, угадав его намерение, и предостерегающе посмотрел на него. Все у него под контролем, так что не надо.

– Правильно понимаете, Людмила, э-э... Я же могу называть вас по имени?

– Можете.

– Ваш муж не обидится?

– Нет у меня мужа... Раньше был, сейчас нет...

– Это хорошо.

– Что ж в этом хорошего?

– Ну, для вас, может, и не хорошо. А для меня... Муж у вас, наверное, крутой был? Крутой нрав, крутой на расправу, да?

– С чего вы взяли?

– Ну, вид у вас такой.

– Какой?

– Не потерпите вы рядом слабого мужчину, – сказал Стасов, продолжая нависать над Василиничевой.

Максиму приходилось напрягать слух, чтобы оставаться в теме разговора.

– Ну, слабых мужчин я и на самом деле не люблю, – кокетливо улыбнулась Людмила.

– Друг ваш тоже, наверное, крутой?

– Друг?

– Ну, кто-то же у вас есть?

– Может быть, и есть... А что?

– Так, все! – простонала Драбова, решительно поднимаясь со скамейки.

И на этот раз она нашла в себе силы выйти со двора и повернуть к пристани. И Максиму пришлось сопровождать ее. Стасов же остался раскручивать Людмилу. На признание.

* * *

Следственно-оперативная группа – это судмедэксперт, криминалист, уголовный розыск, инспектор-кинолог и даже участковый. Но прежде всего это следователь. Если кража или ограбление, работает следователь полиции. Если убийство, то к делу подключаются представители Следственного комитета. Следователь должен быть и даже следователь-криминалист, но ни того, ни другого Малахов не наблюдал. Группу возглавил представитель следственного отдела ОМВД. А могли бы и дознавателя отправить.

– А что я? Мне сказали, я поехал, – вздохнул майор юстиции Планидкин, невысокий, плотного телосложения мужчина. Лицо неподвижное, как будто апатичное, но взгляд жи-

вой и даже пытливый. На покойника он смотрел с интересом и без всякого отвращения. Как будто каждый день имел дело с трупами.

– Ну, работайте, если приехали.

Малахов посмотрел над судмедэксперта, который склонился над трупом. Хорошо хоть специалист от медицины подъехал. Толку от него мало, труп давний, собака след взять не сможет, место преступления неизвестно где. Так что кинолог здесь не нужен. Да и нет собаки, не привезли. Эксперт-криминалист тоже ничем не мог сейчас помочь.

– А вы, значит, к нам начальником ОВД? – спросил Планидкин, внимательно глядя на Малахова.

– Отдела МВД, – кивнул Артем. – По Волговодскому району.

– И сразу труп?

– Труп недельной давности. Неделю назад я даже не подозревал о существовании вашего города.

– Да нет, я ни в чем вас не подозреваю. Просто удивительно.

– Давайте без эмоций. Скажите лучше, что вы собираетесь делать.

– Ну, пока не ясно... Игорь Юрьевич! – Планидкин обратился к медэксперту, который осматривал шею покойного: – Его задушили?

Впрочем, он мог и не спрашивать, странгуляционная борозда просматривалась отчетливо. Драбова душили стара-

тельно, петлю на его шее затянули основательно. Или удавку. Из веревки, на конце которой потом затянули петлю. Возможно, для антуража.

Возможно, Драбова убили те же люди, которые покончили с подполковником Земским и его последователями. Преступники наловчились выдавать убийство за несчастный случай, но с Драбовым они могли действовать грубо, все равно потом концы в воду. Сначала задушили, а потом уже придумали накинуть на шею петлю. Привычка к хитрым уловкам дала о себе знать... Такая версия имела право на существование, но Малахов не собирался делиться этими своими соображениями со следователем. Во всяком случае, сейчас.

– Я уже сорок два года Игорь Юрьевич, – прокрихтел высокий мужчина без единой седой волосинки в пышной шевелюре.

Высокий, в крупных очках с тонкой стильной оправой. Белый халат идеально чистый, туфли начищены до блеска.

Мужчина поднялся, посмотрел на Малахова, перевел взгляд на Планидкина и оттянул резинку на правой перчатке, как будто собирался ее снимать.

– Криминальный труп, никаких в том сомнений, – сказал медэксперт.

– Может, все-таки сам? – Планидкин осторожно приложил пальцы к своему горлу.

– Его задушили.

– А петля?

– Веревоочная петля... Задушили шнурком, а потом уже появилась веревка. С более крупным сечением.

– И камни, – сказал Малахов.

Криминалист еще брался за труп, но Артем и без него уже осмотрел куртку с внутренней стороны. Высыпались не все камни, парочка осталась. И песок оставался в складках одежды.

– Чтобы тело не всплыло, – оживился следователь.

– Чтобы не всплыло, – кивнул Малахов.

– Так, может, камень крепился к веревке.

– Веревка обрезана. Кто-то обрезал веревку.

– Ну да.

– Не думаю, что к веревке крепился камень, – поправляя очки, качнул головой медэксперт. – Не похоже, что веревка оказывала механическое воздействие на шею покойного. Точно скажу после осмотра в лаборатории.

– Может, просто веревку набросили?

– А зачем?

– Да, зачем? – поддержал эксперта следователь.

– Собирались повесить, а решили просто задушить. И удавка была, и веревка.

– Может быть, – согласился медэксперт.

– А вы что скажете, товарищ майор? – обращаясь к следователю, поинтересовался Малахов.

– Ну, что я скажу?... Задушили человека, надо искать, где, в каком месте это сделано.

– Ищите!

– Для этого оперативники есть.

– И математики.

– Математики? – в ожидании подвоха напрягся Планидкин.

– Определить ширину реки, скорость течения, забить в расчеты плотность воды, вес тела, координаты, в которых обнаружен труп. И рассчитать координаты, в которых покойник всплыл на поверхность. После того как его утопили. Где-то возле берега. Все просто, – совершенно всерьез сказал Малахов.

– Думаете, получится?

– А можно изготовить манекен и сплавить его вниз по течению. И посмотреть, как он будет плыть, как его будет сносить течением... Вы меня понимаете?

– Ну, в общем, понимаю.

– Тогда действуйте.

– Э-э, прямо сейчас?

Артем выразительно промолчал. Он еще не вступил в должность и не имел права отдавать приказы. Но никто не мешает ему делать выводы и брать нерадивых на заметку.

– А если труп утопили не у берега?... Мы же не знаем точно, на каком расстоянии от берега его утопили. Может, он здесь где-то всплыл. – Следовательно обвел рукой пространство справа от себя.

– Обследуйте берег, ищите следы от машины.

– От какой машины?

Малахов и сам хотел знать марку и номер автомобиля, на котором Драбов отправился в Москву. И, похоже, ответ на свой вопрос он мог получить прямо сейчас. К месту стремительно приближалась женщина, которую держал за руку Павлов.

Малахов вопросительно глянул на Макса, тот вздохнул. Да, это жена покойного, и сейчас может случиться истерика.

Но женщина даже не вскрикнула. Остановилась перед телом и тихонько всхлипнула, приложив ко рту кулак. Она не билась в истерике, просто стояла и смотрела. Можно было ничего не спрашивать, и без того видно, что жена узнала своего мужа.

Малахов передал Драбову на попечение Планидкину и вместе с Павловым отошел в сторонку.

– А Стасов где?

– Подружку Драбовой допрашивает.

– Интересно.

– Похоже, там что-то наклевывается.

– Нормально.

Стасов не слыл бабским угодником, за женщинами не волочился, во всяком случае, Артем не помнил такого за ним. Но и в число скромников он точно не входил. До женитьбы, говорят, ни одной юбки мимо себя не пропускал, это уже после свадьбы он остепенился. Видимо, жена нашла к нему подход. Но сейчас-то Егор временно холостой.

– Да Василиничева эта Людмила дама не простая, дружбу с крутыми парнями водит. Она единственная, кто знал, когда Драбов будет выезжать в Москву.

– Уверен?

– Ну, может, и не единственная. Но точно знала... Стасов сейчас выясняет, с кем конкретно она дружит.

– Аккуратно нужно вытаскивать, – в раздумье сказал Артем. – Чтобы не сорвалось.

Подруга Драбовой действительно могла стать причиной трагедии. Даже десять килограммов икры – это как минимум двести тысяч рублей. А Драбов мог взять с собой целый центнер. А там, где большие деньги, там преступный замысел.

– Да не сорвется, нормально все будет... Я пойду?

– Давай, Макс, давай. Это наше первое дело, облажаться нам никак нельзя.

– Если нельзя, то не облажаемся!

Павлов ушел, а Малахов занялся Драбовой. Он, может, и начальник районного отдела, но в душе как был, так и остался опером. И ничуть не потерял интереса к своей работе. И охотничий азарт в нем не остыл. Возможно, он выйдет на след преступника еще раньше, чем его помощники.

Глава 3

Тепло, сухо, листья над головой шелестят на слабом приятном ветру, навевают сон. Люба борща наварила, голубцов налепила, накормила до отвала. А еще пиво, рыба... Максим сидел за столиком под виноградной беседкой и клевал носом. А Людмила Василичева все говорила, говорила.

«Да это просто ужас какой-то! Вика совсем никакая, сейчас пойду к ней, а то как бы чего не вышло!...»

У криминалиста чемодан криминалистический, у оперуполномоченного – оперативный. Можно сказать, джентльменский набор опера. «Жучки» для прослушки, радиомаячки, детектор электромагнитного поля, видеоглазок с вайфаем, бинокль обычный, несколько отмычек, порошки, кисточка, скотч для снятия отпечатков. Так называемый следственный портфель со всякой всячиной, от авторучки до анатомического пинцета и ультрафиолетового фонарика. Планшет с электронной картой, приемным устройством и массой приложений к базам уголовного розыска, ГИБДД, сотовых операторов и муниципальных видеокамер. Набор необязательный, никакими приказами не установленный, более того, местами ограниченный статьями Уголовного и Административного кодексов. Но тем не менее у Максима такой набор имелся, и сегодня он ему в очередной раз пригодился.

Егор смог убаюкать бдительность Василичевой, напро-

сился к ней в гости на чашку чая. Женщина жила одна, в маленьком кирпичном доме с забором из оцинкованного профнастила. Возможно, Людмила рассчитывала на допрос в обстановке более интимной, чем разговор с глазу на глаз. Если так, то Стасов обманул ее ожидания. Поговорил, попил чайку и ушел, оставив бяку в ее телефоне. Установить шпионское приложение на смартфон дело нехитрое и быстрое, если знать как. Стасов справился с задачей. И пару «жучков» установил – в прихожей и гостиной.

Василиничева жила на улице, параллельной Колхозной, а «жучки» позволяли прослушивать разговор на дальности до километра. Смешно это или нет, но сигнал уверенно принимался перед самым домом на улице Колхозной, но стоило переступить порог, он обрывался. Пришлось ставить приемник на столик перед домом, под виноградную беседку. Погода хорошая, тепло, приятный ветерок с реки тянет. Желудок полный после обеда, пиво вкусное, балычок просто прелесть. Люба со своим мужем на задании – во дворе соседнего дома, Стасов, устав от Василиничевой, переключился на других знакомых потерпевших. И Малахов с ним. А Максим на прослушке. И так хорошо ему, так уютно. Глаза слипаются, бессонная ночь дает о себе знать. Но Максим знает, как бороться со сном, опыт у него большой.

«Эй, хорош спать!»

Максим распахнул глаза, ожидая увидеть Малахова, Стасова или даже Штанова. Все-таки заснул он, а разбудил его

незнакомый голос. Но Стасов такой, что мог изменить голос – шутки ради.

Но вокруг никого, только листья над головой шелестят. Где-то за забором негромко засмеялась Люба, похоже, наблюдение за соседом проходит успешно.

«Да не сплю я!» – отозвалась Василиничева.

Максим кивнул. Это из эфира голос. Телефон Людмилы молчит, но сигнал идет с «жучков».

«Просто присела... А ты как зашел?»

«Дверь открыта была».

«Не ври, закрывала я дверь!»

«Я никогда не вру!» – в мужском голосе зазвучали угрожающие нотки.

«Ну, может, и забыла закрыть»... – заметно присмирела Василиничева.

Максим вспомнил, с кем говорила Людмила до того, как он уснул. Не пошла она к Драбовой, а переговорила с кем-то по телефону, видно, ее саму сморил послеобеденный сон. А тут гость, дверь закрыта, но у него отмычка. Людмила это поняла, возмутилась, но быстро сдала назад. Видимо, опасный у нее гость.

«А может, ты еще что-то забыла?»

Максим услышал, как заскрипел диван, это гость подсел к хозяйке дома.

«Может, не сейчас?...» – жалобно спросила она.

«Кто не может, тот не сейчас. А я всегда могу!»

«Ну Гена!» – захныкала женщина.

Диван закрипел еще сильнее. Женщина легла, Гена на нее навалился, и понеслась. Максим поднялся, смахнул со стола приемник и отправился к своему «Фокусу», который стоял за воротами.

Возле пятьдесят шестого дома на Ворошилова, где жила Василиничева, стоял черный тюнингованный «Гранд Чероки» третьего поколения, окна затемнены, не видно, есть кто в салоне или нет. Максим проехал мимо, метров через пятьдесят свернул с дороги, невольно заблокировав выезд со двора полутораэтажного дома, остановился. Перебрался на заднее сиденье, достал бинокль, навел на «Чероки». Лобовое стекло не тонировано, но в салоне темно, даже многократное увеличение не позволяло увидеть что-либо сквозь него. Но и движений за стеклом не угадывалось, скорее всего, в машине никого нет.

А в эфире скрипел диван, раздавались охи, вздохи, полезной информации ноль, один голый разврат. Гость на самом деле мог, причем долго. Максим успел войти в базу, пробить владельца «Гранд Чероки», который стоял у пятьдесят шестого дома. Владелец Горошников Геннадий Алексеевич, восьмидесятого года рождения, место регистрации город Волговодск, улица Октябрьской Революции, дом семнадцать, квартира сто четыре.

Наконец на диване успокоились. А вскоре и заговорили: «А ты говорила, не сейчас!»

«Уже забыла!» – засмеялась Василиничева.

«И я забыл. Здравовался я с тобой или нет?»

«Эй, хорош спать!» – передразнила гостя Людмила.

«Да? Ну, тогда привет! Как дела?»

«Да как дела...»

«Что, ничего интересного?»

«Ну, как тебе сказать... Никиту из воды сегодня выловили».

«Какого Никиту?» – после короткой паузы спросил Горошников.

«Ну как это какого? Ты же спрашивал!»

«Кого я спрашивал?»

«Драбова Никиту. Ты спросил, чем он занимается».

«Я спросил?... Ты говорила о своей подруге, сказала про ее мужа, я спросил, чем занимается подруга, чем занимается ее муж».

«Да?»

«Так что не надо на меня бочку катить!»

«А кто на тебя бочку катит?»

Максим усмехнулся. Драбова всего лишь выловили из воды, Василиничева не сказала, живого или мертвого. А Горошников уточнять не стал, как будто знал, что из воды могли поднять только труп. И спрашивал он в свое время о Драбове, может, для того и снял Василиничеву, чтобы вызнать о нем побольше. И до нее, похоже, стало доходить, что их знакомство не случайное.

«Ты лучше на меня батон покروши... Что там у тебя пожевать?»

Разговор переключился на курник, который Людмила испекла сегодня утром, а затем парочка перекочевала из гостиной на кухню. Там находился второй «жучок», но Максим разговор слушать не стал. Он взял тонкий, пластинчатой формы GPS-трекер, вышел из машины и, пошатываясь, с глупым выражением лица направился к «Чероки».

Он прошел рядом с машиной, поэтому смог заглянуть в салон через затемненное окно. И никого не увидел.

Павлов остановился возле багажника, оставаясь с правой стороны машины, отжал пальцами верхний край накладки под задний номер и вставил трекер в зазор. Маячок зашел плотно, накладка, прижимая его, не оттопырилась.

В надежде, что его не заметили, Максим взял обратный курс, вернулся в машину. Там и услышал голос Горошников-ва.

«Что, совсем мертвый?»

Максим облегченно вздохнул. Судя по тону, Гена и не догадывался об установленном под номером маячке.

«Даже еще мертвее. Больше недели в воде пролежал».

«Видела труп?»

«Ну да, прошла мимо, глянула. Спрашиваю кто, а там сержант, Драбов какой-то, говорит».

Максим усмехнулся. Хорошо у местных служба налажена, особенно работа с населением. Спросили – ответили, а тайна

следствия пусть пока в сторонке постоит.

«А я как знала, что это Никита! Он же как уехал тогда в Москву, так и пропал!» – распаляясь, проговорила Людмила.

«Когда тогда?»

«Ну, я же говорила тебе, что Никита в Москву едет!»

«Рано утром?»

«Рано утром!»

«Зачем ты мне это говорила?»

«Так ты спросил...»

«Ничего я у тебя не спрашивал!» – отрезал Горошников.

«Ну как же не спрашивал?...» – опешила Василиничева.

«Да я-то спрашивал так, от нечего делать. А менты зацепятся, еще подумают на меня».

«Я как-то не подумала».

«Ты же с женой Драбова дружишь?»

«Да».

«Менты к тебе придут...»

«Уже приходили».

«И что ты сказала?» – голос у Гены завибрировал от внутреннего напряжения.

«Про тебя?... Про тебя ничего... Да он больше мною интересовался...»

«Кто, мент?»

«Молодой еще, между прочим, парнишка! А как смотрел на меня, как смотрел!..»

«А ведь я тебя убить могу!» – голос у Горошникова звучал зловеще.

«Как это – убить?»

«Очень просто. Чтобы ты по парнишкам не шлялась!»

«Да ладно тебе, я же без всякой задней мысли...»

«Все твои задние мысли только для меня, поняла?... Но ментам об этом не говори. Ничего про меня не говори. Я же говорил тебе, что у меня судимость. Меня сразу заметут».

«Да я не говорила».

«И адрес мой не называла?»

«А я знаю, где ты живешь?»

«А номер машины?»

«Да не говорила я ничего!»

«Смотри, мне проблемы не нужны. Если вдруг ляпнешь, я тебя убью... Из ревности».

«Не надо из ревности. Никак не надо!»

«Ну, тогда держи язык за зубами... А пирог у тебя вкусный... Кстати, а почему курник?»

«Так с курицей же».

«А если вместо курицы язык будет, как такой пирог назовут?»

«Не скажу я никому ничего!»

«Ну, вот и умница!»

С чая на что-нибудь покрепче Горошников переключаться не стал. Управился с пирогом, сказал Василиничевой на прощание пару слов и вышел из дома. Максим еще только

собирался звонить Стасову, а он уже сидел в машине.

Преследовать автомобиль, оснащенный маячком, одно удовольствие. Максим дождался, когда «Чероки» вырулит на проспект Дзержинского, только тогда тронул свою машину с места.

Волговодск город, в общем-то, молодой. Максим читал о нем, смотрел фотографии, кое-что уже увидел воочию. В советское время, уже после войны, в этих местах обнаружили весьма солидные месторождения апатитов, которые обычно водились за полярным кругом. Сразу же стали строить завод по производству фосфорных солей и удобрений. Место отличное – река, автомобильные и железнодорожные магистрали. Производство требовало много электроэнергии, а неподалеку на Волге запускали в работу новую гидроэлектростанцию. И, главное, источник сырья прямо под боком. В общем, стройку развернули огромную, и комбинат поставили, и целый город под него.

Город изначально застраивался многоэтажными домами, со временем появился и разросся частный сектор. Проспект Дзержинского тянулся через весь город и соединял жилые микрорайоны и частный сектор. Максим уже выехал на мост с видом на высотные здания, когда перед ним выскочил гаишник и махнул своим жезлом.

Калитка открылась легко и с улицы, во дворе никого, на столе под навесом стояла пластиковая бутылка с остатками пива, тарелка с рыбной нарезкой, флешка, телефонная гарнитура. «Форд Фокус» Павлова куда-то пропал вместе с хозяином.

– Уехал Макс, – сказал Стасов.

И в это время зазвонил телефон в его руке. Егор ответил, выслушал Макса и только тогда посмотрел на Артема.

– Макс на какого-то Горошникова вышел. Говорит, что Василиничева с ним путается. И слила ему Драбова.

– И где Макс?

– Горошникова ведет. По маячку.

– Надо ехать, – задумчиво сказал Малахов.

Он-то совсем не прочь продолжить работу по Драбову, все равно делать нечего. Но в связке «Павлов – Стасов» он будет третьим лишним. Поэтому пусть Стасов едет один.

– До ближайшего поста. – Стасов щелкнул пальцами по бутылке с остатками пива, едва не перевернув ее.

– Я не пил, – качнул головой Артем.

– Макс пил. Водительское у него отобрали!

– Ай да молодца!

Макс не качал права, просто сидел в своей машине, дожидаясь начальника. Неподалеку стоял такой же «Форд», как

у него, но белый в синюю полоску и с проблесковыми маячками. Малахову не понадобилось подзывать инспектора, тот сам направился к нему – с выражением лица, не предвещающим ничего хорошего.

Артем с интересом смотрел на моложавого подтянутого капитана в новенькой, наглаженной форме. Волевое выражение лица, волевой взгляд, волевой подбородок. Подошел, козырнул и сухо представился.

– Инспектор дорожно-патрульной службы капитан Дементьев. Здесь нельзя останавливаться.

– Да я к подчиненному. – Малахов кивком указал на «Форд» Павлова.

Макс уже вышел из машины, закрыв за собой дверь.

– Ваши права, техпаспорт!

Артем предъявил служебное удостоверение, подкрепив его предписанием на должность начальника отдела МВД Волгодонского района. Дементьев быстро, но внимательно ознакомился с содержанием документов, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Я просил права и техпаспорт, – сказал он.

Малахов кивнул, показал и то и другое.

– В трубочку дыхнуть?

– От вас не пахнет, – возвращая документы, сказал Дементьев.

– А на подлинность проверить?

– Ну, зачем же так? Вы же все-таки начальник районного

отдела. С завтрашнего дня.

– Наблюдательный.

– Стараюсь.

– Это хорошо, что стараешься. Это очень хорошо... На убийство сегодня выезд был. Капитан Павлов работает по этому делу.

– Да, он говорил.

– Подозреваемого преследует.

– Я все понимаю, товарищ подполковник.

– Но ничего поделать не можешь?

Дементьев долго смотрел на Малахова, наконец достал из нагрудного кармана права, протянул ему.

– Нельзя находиться за рулем в нетрезвом состоянии. Ни при каких обстоятельствах.

– Золотые слова, – кивнул, соглашаясь, Артем и, взяв права, положил их себе в карман. Обращаясь к Макс, взглядом указал на свой «Крузер»: – Со мной поедешь. А машина здесь пока пусть постоит.

– Я могу отогнать, – невозмутимо сказал Дементьев. – Скажите куда.

– Конечно, – рассматривая его значок, кивнул Артем.

Вот будет смеху, если инспектор окажется липовым и угонит автомобиль оперуполномоченного уголовного розыска.

– Упертый тип, – сказал Макс, закрывая за собой дверь. Он передал инспектору ключи и перебрался в машину к Малахову.

– Что там у тебя с Горошниковым?

– У кафе с фонтанами его машина стоит, – сказал Макс, щелкнув пальцами по своей планшетке.

– Так и называется – «Кафе с фонтанами»?

– Да нет, кафе отдельно, фонтаны отдельно. Кафе «Регата», а фонтаны на набережной. На карте красиво, а как там на самом деле...

Кафе «Регата» находилось на берегу реки в центральной части города. От реки кафе отделяла площадь с тремя фонтанами. И площадь красивая, и фонтаны работали, высоко выбрасывая воду. Четырехэтажное здание, в котором располагалось кафе, входило в комплекс красивых зданий в стиле позднего сталинского ампира.

Три этажа здания, судя по всему, занимали квартиры, а на первом размещалось кафе – с выходом на дорогу, сливающуюся с площадью. И выход на дорогу, и парковка, на которой стоял «Гранд Чероки» – в числе четырех таких же черных внедорожников. К ним прибавился и «Ленд Крузер» подполковника Малахова.

– Да здесь, похоже, осиное гнездо, – сказал Стасов.

Он выразительно смотрел на крепкого лысого парня в белой рубашке и черных брюках со стрелками. Погода теплая, солнце, но все-таки октябрь месяц, пора уже пиджак поверх сорочки надевать.

– Горячительные напитки, музыка, бильярд, – отозвался Павлов.

– Это ты в своем путеводителе прочитал?

– Да нет, реклама. – Макс кивком указал на здание кафе. –

Бильярда.

Но Артем не увидел вывески, которая извещала бы о бильярде.

– Не вижу ничего.

– Ну как же, если сосиска в костюме бегают, это сосисочная, если апельсин, то соки фреш. А у этого в рубашке голова как бильярдный шар.

– Ходячая сосиска обычно ватой набита, – усмехнулся Стасов.

– У этого кость. И голова не болит.

– Проверять не будем, – сказал Малахов. – Но кофейку попить можно.

– А мне пива! Прав-то все равно нет! – совсем не тонко намекнул Макс.

– Пива и возьмешь, – кивнул Артем. – Пару банок. С собой. А заодно глянешь, что там.

Он и сам хотел бы пройтись по кафе, но вдруг там сейчас Борщевик, которому известно о подполковнике Малахове? Вдруг его там заметят, опознают. Тогда возникнут нехорошие вопросы, и ниточка, которая потянулась за Геной Горшниковым, может оборваться.

Охранник на входе окинул Павлова оценивающим взглядом и даже нахмурил брови. Макс всем видом показывал, что очень хочет в туалет, но сдерживает себя. Лысый это по-

нял, но останавливать его не стал. Минут через пятнадцать Макс вышел из кафе с двумя банками пива.

– Все мне! – сказал он, усаживаясь в машину. – Заслужил!

– Ну, давай выкладывай свои заслуги!.. Или ты там уже все выложил? – хмыкнул Стасов.

– Обычное кафе с баром, ни танцев, ни стриптиза, как говорится, спокойная, непринужденная обстановка. – Макс открыл банку пива и протянул ее Стасову.

Начальнику он даже не предложил, оно и понятно. Не пьет Артем, и точка. К тому же он за рулем.

– И в чем заслуга? – отхлебнув из банки, спросил Стасов.

– В соседнем зале бильярдная и свой бар. Но там только для своих.

– Горошникова видел?

– Горошникова не видел. Значит, он в зале. Или наверху.

– Где наверху? – Артем скользнул взглядом по окнам второго этажа.

Занавески с гардинами, цветы на подоконниках, с виду обычные жилые квартиры.

– Да лестница там в отдельном зале, охрана имеется, но я мимо проходил, когда дверь открыли. Заметил бильярдные столы, бар и лестницу на второй этаж.

– Значит, есть выход во двор дома, через подъезд, – сказал Стасов.

– И со второго этажа есть выход, и с первого. И через подъезд, и напрямую.

– Волчья нора, волчьи проходы, – кивнул Малахов, тронув машину с места.

Макс хорошо отыграл номер, изобразил желание сходить в туалет, обследовал кафе, но пора и честь знать. Нельзя им здесь светиться.

– Маячок хорошо прикрепил? – спросил Артем, сворачивая на ближайшем перекрестке.

– Надеюсь.

– За Горошниковым глаз да глаз. И за «Регатой» тоже.

– Здесь где-нибудь встанем, будем пасти, – сказал Стасов, глядя в окно.

Слева от дороги тянулись однотипные пятиэтажные дома, справа – городской парк с аллеями и детскими городками. Город красивый, зеленый, на Волге. Комбинат химический на окраинах, где-то неподалеку рудники, но, как это ни странно, дышится здесь легко. И так не хотелось бы здесь умереть. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Надо, – коротко сказал Артем.

– Сделаем, – кивнул Макс. И так же лаконично спросил: – А права?

Малахов кивнул, отдал ему водительское удостоверение и набрал скорость. Он мог бы отдать ребятам свою машину, а домой отправиться на такси, но, возможно, ее уже заметили, даже взяли на заметку. Возможно, окрестности кафе «Регата» патрулируются бандитами Борщевика, еще срисуют ребят. Или похитят, или уложат прямо на месте. А у ребят да-

же оружия нет. Завтра нужно их оружием обеспечить.

* * *

Загулял мужик, ночь уже над городом, кафе скоро закроется, а «Чероки» все на прежнем месте.

– Или в бильярд Горошников заигрался, или нет его уже в «Регате», – зевая, сказал Стасов.

Они стояли во дворе соседнего с «Регатой» дома. За выходом из кафе наблюдали издали. Фотоаппаратом с мощным объективом оперативники не располагали, съемку не вели, просто смотрели в бинокль, запоминали. Горошников на глаза ни разу не попался, но ведь он мог уйти через главный вход, взять такси, а свой джип оставить.

– Думаешь, мог меня срисовать? – спросил Максим.

– Тогда зачем он отправился в «Регату»?

– А если здесь нет ничего такого? Ну, отдельный зал, ну, отдельный вход. Может, здесь раньше подпольное казино было. Бильярдного разлива.

– Или есть. Но без Борщевика.

– Без Борщевика.

Максим включил планшет, вывел на экран фотоснимок Борщовникова. Мужик как мужик, ничего в нем ковбойского. Черты лица негрубые, даже мягкие, взгляд только жесткий. Борщовников иронично шурился, глядя в объектив, но глаза улыбаться не хотели.

Малахов догадывался, какая им здесь может угрожать опасность и от кого она может исходить. Позаботился об информации. А Борщовников Вячеслав Евгеньевич – личность в криминальных кругах широко известная. Сорок восемь лет, две ходки – за разбой и кражу. И фотоснимок довольно свежий удалось раздобыть и размножить.

Отметка от маячка вдруг сдвинулась, выкатилась на Береговую улицу

– Ну вот, а ты переживал! – улыбнулся Стасов, отпуская педаль тормоза.

Его «Шкода» довольно быстро набрала ход.

– А ты не переживал?

– Переживал. Вдруг Горошников твой пропал, всю ночь придется торчать, – сказал Егор.

– Ничего, сейчас домой поедет.

Максим достаточно изучил город, чтобы понять, в каком направлении движется «Чероки». Свернет сейчас Горошников на улицу Октябрьской Революции, и домой. Если адрес регистрации совпадает с местом жительства.

– Домой так домой.

– А завтра стволы получим, тогда уже в погоню можно.

«Чероки» проскочил поворот на улицу Октябрьской Революции, а вскоре оказался на объездной дороге, откуда свернул на проселок.

– Куда это нас везут? – спросил Максим.

– А если завозят?

– И даже застрелиться нечем.

Стасов ничего не сказал. Остановил машину, долго копался в багажнике, наконец вернулся – с обрезом охотничьей двухстволки. Стволы срезаны коротко, приклад спилен, но вид все равно внушительный. Потому что в стволах пряталась смерть в виде патронов двенадцатого калибра.

– Что там?

– Конфетти!

– Замечательно! Кто-то умрет красиво!

– Картечь.

– Кто-то умрет больно.

– Ствол незаконный.

– А кому-то тупо все равно!

«Чероки» держал курс на поселок с романтическим названием Весенний. Но дом, возле которого остановился джип, не выдерживал никакой лирики. Сплошная проза. Маленький, деревянный, ставни держатся на честном слове. Забор, непонятно, то ли стоит, то ли лежит, во дворе бурьян, в огороде бузина.

Но в доме горел свет. Максим не знал, то ли свет и не гас, то ли зажегся только что, с появлением Горошникова. Они подъехали с опозданием, к тому же машину оставили за несколько домов до объекта. Дальше пешком, к самому дому. Через забор перебираться не стали, затаились в бурьяне.

Послышались голоса, со двора к машине вышли двое. Фонарь у дома не горел, а в свете луны лиц особо не разглядеть.

Но Горошникова Максим узнал.

– Шухер, говоришь? – спросил долговязый мужчина, стоящий с ним рядом.

Он что-то держал в руках, похоже, пачку сигарет, собираясь закурить.

– Давай весь свой разбор в реку! – услышал Максим.

– Пойдем!

Долговязый схватил Горошникова за руку и потащил за собой. Возможно, он всего лишь задал направление, но Максиму показалось, что Горошникова взяли на буксир.

– Разбор здесь, – шепотом, едва слышно сказал Стас.

– Полетов?

– Машин!

– Ну да! – встрепнулся Максим.

«Мондео» Драбова в розыске не числился, и среди случайно обнаруженных автомобилей тоже. Машину могли сбросить в реку, но тогда бы Драбов отправился на дно вместе с ней. Но его утопили без машины.

Горошников и долговязый ушли к сараям в глубине заднего двора. Следуя за ними, Максим услышал, как скрипнули ворота, видимо, хозяин дома провел гостя в свои владения.

Путь к сараям преграждал остов легкового автомобиля, с которого сняли все, вплоть до задних крыльев. На земле валялись бамперы, глушители, сломанные кресла, битые зеркала. В какой-то момент Максиму показалось, что он попал

во владения сказочного чудовища, которое пожирал не людей, а машины. И всюду валялись «кости» съеденных автомобилей.

Они с Егором осторожно приблизились к воротам сарая, в котором скрылись злодеи, прислушались. Тихо, ни голосов, ни шороха. Но вот как будто открылась дверь, что-то щелкнуло, клацнуло. Похоже, кто-то выходил из сарая с другой стороны, что-то при этом выкатывая.

А сарай длинный, поперек двора, минута уйдет, не меньше, чтобы его обогнуть. Максим глянул на Егора, тот кивнул, будто соглашаясь с ним, и они оба рванули в обход. Но не успели. Когда один беглец попал в поле зрения, он уже открывал ворота за огородом, другой заводил мотоцикл.

Стасов мотнул головой, призывая Максима к тишине. Они бежали молча, не кричали, но их заметили. Ворота открылись, мотоцикл завелся, один беглец за рулем, второй присоединился к нему. Дорога уходила к реке, мотоцикл свернул влево и пропал из вида.

– Догоним? – спросил Максим.

– Попробуем! – кивнул Стасов.

Они вышли со двора, но, прежде чем повернуть к своей машине, Егор достал из кармана нож и проткнул два колеса на «Гранд Чероки». Максим согласился с ним. Вдруг есть еще кто-то третий или даже четвертый. Останутся без призора, выйдут из укрытия и наутек.

Догнать мотоциклистов не удалось. Дорог окрест поселка

много, и непонятно, какую они выбрали. Возможно, поехали вдоль реки или отправились в город, а может, в ночном поле решили затеряться.

– Дом надо осмотреть и сарай, – разворачиваясь, сказал Стасов.

– Сначала начальнику нужно позвонить, – набирая номер на телефоне, сказал Максим.

Малахов ответил сразу, голос бодрый, ничуть не сонный.

– Горошников в поселок Весенний отправился, километрах в десяти от города. Это вроде как наш район.

– И что?

– Разбор у них тут, машины на запчасти разбирают. Я думаю, Горошников сюда машину Драбова отправил.

– Надо узнать.

– Разборщик тут не простой, учуял опасность, сел на мотоцикл и тю-тю. Горошников вместе с ним ушел... Зевнули мы.

– Это плохо.

– В доме, похоже, никого, во дворе тоже. А надо искать, обыскивать, вот я и думаю, как быть, по закону или как обычно?

– Если машина Драбова там, действуем по закону. И на законных основаниях. А если нет... – Малахов нарочно затянул паузу.

На этом разговор и закончился.

– Действуем по закону, – возвращая телефон на место,

сказал Максим. – Но как обычно!

Признаков жизни в знакомом доме не наблюдалось. И во дворе тоже. Уже изученным маршрутом они с Егором вернулись к сараю, вошли внутрь со стороны, откуда Горошников уехал на мотоцикле. А там «Киа Рио» в начальной стадии разборки. Но там же находился и целый склад запчастей: навесное оборудование и внутренние части двигателей, элементы кузова, стекла, колеса – в общем, все, что без нумерации. Эти части готовились на продажу.

Клейменные части, видимо, должны были выбрасываться, но пока что складывались в другую кучу, и не в самом сарае, а за ним, под открытым небом. Там Стасов и обнаружил блок цилиндров, на приливе которого выбит был номер двигателя. А сведения о машине Драбова Максим держал под рукой. Номера, нанесенные на двигатель и в техпаспорт, совпали. Значит, машину Драбова разобрали именно здесь.

Максим немедленно позвонил начальнику. Оказалось, Малахов уже находился в пути, в движущейся машине.

– Движок нашли от машины Драбова, – сказал Павлов.

– Это хорошо. И плохо. Горошников может попытаться отбить у вас двигатель. А у вас даже оружия нет.

– Ничего, справимся.

– Не надо справляться. Если что, в бой не ввязываться. Просто проследите, куда денется двигатель.

– Ну, можно маячок поставить.

– Можно и так.

– Если не жалко.

– Что не жалко?

– Я вот все думаю, как нас вычислили? Думал, разборщик пачку сигарет в руке держит, а это, скорее всего, сканер был. И у тех, которые подъедут, сканер может быть. Снимут наш трекер...

– Горошников же не снял.

– Горошников лох! – усмехнулся Максим.

– Обоснуй.

– Жадность фраера сгубила... Не надо было ему машину на разбор отдавать. А он отдал. И вряд ли Борщевик в курсе... Может, и отбивать у нас двигатель будет некому.

– Все равно, не высовывайтесь, сидите тихо. И ждите меня. Думаю, я буду раньше, чем следователь.

Павлов кивнул. Они с Егором, конечно, молодцы, но как ни крути, а официальных полномочий у них еще нет. Они могут задокументировать свою находку, но все их акты и протоколы на суде будут признаны недействительными. А судьи, они господа привередливые. Поэтому без следователя никак.

Глава 4

Штатно-должностная структура отдела МВД – штука хитрая. По большому счету Артема назначили на должность начальника полиции. Но его заместитель тоже начальник полиции. Должность у него такая – начальник полиции. Полицией в отделе заведовал подполковник Ожогин, крупный мужчина с грубоватыми чертами лица. Фактически он занимался тем же, что и начальник ОВД, за некоторыми исключениями. Для того же Борщовникова он создавал не меньшую угрозу, чем действующий начальник районного отдела. И непонятно, почему Ожогин не решился занять главную должность в отделе. Ему предлагали, а он отказался.

И все же на Малахова Ожогин смотрел как на конкурента. Улыбался, выказывал готовность угодить, но все же в его поведении угадывалась зависть.

– Я распорядился, с утра здесь все отполировали. – Ожогин обвел рукой кабинет начальника отдела ОВД.

Малахов кивнул. Здание старое, помещения маленькие, коридоры узкие, в их лабиринтах можно запутаться. Ремонт в целом неплохой, стеклопакеты пластиковые, штукатурка со стен не отваливается, черная плесень по углам не цветет. Но все же кабинет начальника смотрелся дворцом на фоне хижин. И отделка, и обстановка – как в лучших офисах страны. И светло, и просторно, и комфортно.

– Покойный Антон Викторович здесь ломал все, заново строил, – сказал Ожогин.

Мощный мужчина, тяжеловесный, лицо широкое, нос картошкой, крутой подбородок. На труса не похож, но от высокой должности отказался. Неужели все так серьезно?

– Антон Викторович?... Полковник Долгачев?

Артем слышал о предшественнике полковника Земского, но не знал, что он покойный. Долгачев просто вышел на пенсию – по достижении предельного возраста. Девять лет тому назад. Сейчас ему под семьдесят, мог и своей смертью умереть.

– Да вот уже полгода как. Инфаркт... Да вы садитесь, Артем Иванович! – Ожогин провел рукой по спинке директорского кресла.

Большое, основательное, наверняка удобное. Начальник областного управления МВД еще только находился в пути, будет не раньше чем через час. Тогда Артема и представят коллективу, а сейчас можно и посидеть. И поговорить.

– Да нет, я потом.

– Не бойтесь, не заминировано, – улыбнулся Ожогин.

И нос у него картошкой, и сам он как мешок с брюквой, такой же тяжелый, мятый. Стрелки на брюках едва угадываются, волосы у него густые, но непышные, как будто спрессованные и посыпанные мелкой серебряной пудрой. Не молодой он уже, сорок семь лет.

– А может быть заминировано? – строго спросил Малахов.

Не так давно он возглавлял уголовный розыск, ходил в основном в штатском, к форменной одежде не привык. А его назначили начальником отдела МВД Пригорьевского района. Первое время мундир смотрелся на нем как седло на корове, но время взяло свое. Научился он носить форму, как настоящий начальник, да и стрелки на брюках наглаживать умел. Но стрелками вчера занялась Люба, а «затачивала» она их остро, мало кто так умел. Он ее не просил, но, когда вернулся из Весеннего, наглаженная форма уже висела на плечиках.

– Шутка, – смущенно улыбнулся Ожогин.

– Три начальника за два года – это, по-вашему, шутка?

– Ну да.

– Вы же не верите, что их смерть – череда нелепых случайностей?

– Нет, конечно... Иначе бы я не отказался от должности, – выдавил Ожогин.

И не хотел он обращать внимание на свою слабость, но слово за слово, и пришлось.

– Вы пытались вести расследование этого дела? – спросил Артем.

– Ну, конечно же, мы проводили расследование, из Москвы приезжали...

– Я имею в виду свое собственное расследование? Кого подозреваете лично вы?

– Ну так сразу и не скажешь.

– А что, есть варианты?

– Варианты?

– Насколько знаю, у Земского, Хохлатова, Чиркина имелись трения с неким Борщовниковым.

Артем не исключал связь Ожогина с Борщевиком, но еще больше сомневался в этом. Будь Ожогин человеком Борщовникова, он бы без опасений мог занять должность начальника отдела.

– В определенной степени, – кивнул подполковник.

– Определенной в чем?

– Ну, чем Борщевик занимается... – Ожогин расправил плечи, приосанился, взгляд его прояснился. Разговор вошел в сферу его компетенции, именно поэтому он и оживился. – Черная икра, вывоз мусора, профсоюзы.

– Профсоюзы?

– Классическая коза ностра в масштабах района, – усмехнулся Ожогин.

– Я про коза ностра слышал, и про каморру. И что такое профсоюзный рэкет, знаю, – медленно проговорил Малахов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.